

ВООРУЖЁН - НЕ ЗНАЧИТ ЗАЩИЩЁН

Сергей Амелин

Пишу по щепетильному вопросу: Как связаны между собой гражданская безопасность и огнестрельное оружие. Я бурно пережил формирование собственного мнения на этот счёт: Прошёл путь от крайне радикальной, до разумно умеренной позиции. Философский результат этого переживания предлагаю Вашему вниманию.

Вообще слова – самый дрянной способ передачи мыслей на расстоянии. Н о другого, общедоступного, просто нет. Мало скажешь – не поймут, много скажешь – наверняка поймут неправильно. Господь наказал нас, дав много языков. И много слов.

Ничего нового: Оружие у каждого из нас в голове. Согласен: вооружившись, человек легко может потерять оружие, если не знает, как защищаться, и невольно наделает больше бед, чем если бы выстрелил в нападавшего. Но проблема гораздо глубже...

Для начала, чтобы понять чаяния сторонников свободного гражданского оборота пистолетов и револьверов, стоит разобраться с определениями.

Честно говоря, считаю, что словосочетания «общественная безопасность», «гражданская безопасность», как, впрочем, слова их составляющие, в массовом сознании «замылены», затасканы, дискредитированы политическими и общественными популистами и СМИ, которые давно спекулируют на них (к месту и не к месту). Отчего эти понятия теряют актуальность, не ассоциируясь теперь ни с общественным, ни с гражданским, ни с безопасным.

Однако, безопасность – один из психологических мотивов человеческой деятельности. Человек создает непроницаемое пространство (забо-

ры, железные двери и решетки на окнах), выбирает дистанцию (минимальное комфортное расстояние до другого человека), организует защиту (техника, охранники и телохранители), увеличивает силу возможного отпора и воздействия (приобретает оружие и орудия).

Но любое «усиление границ» приводит к ухудшению коммуникаций с другими людьми. И человек начинает страдать. Избежать страдания – это найти компромисс между объективно необходимыми (т. е. рациональными) мерами личностной безопасности (техническими, психологическими), и возможностью сохранять требуемую конкретному человеку свободу общения. Иными словами, найти комфортное для себя промежуточное состояние между личным обособлением, и возможностью самовыражаться без страха.

Если в кругу людей, объединённых чем-либо (место жительства, место работы, хобби, давние дружеские и приятельские отношения, семья) этот компромисс достигнут, то в его основе лежит принцип житейского согласия: этот круг людей имеет общие правила поведения, сформированные из обычных отношений, основанные на проверенных временем способах достижения личных житейских целей, без нарушения личных интересов всех других членов круга. Если личные интересы однонаправлены, то они составляют уже интересы группы. Соблюдение членами круга интересов группы

и есть «гражданская безопасность».

Итак, групповой интерес – это основа совместной общественной деятельности людей. Групповой интерес заставляет членов группы защищать личные интересы членов круга как свои в отношениях с другими группами и их отдельными членами. А также с анклавом, в который входит много разных групп.

Устойчивость анклава состоит в объединении и усреднении групповых интересов множества групп в одном общественном интересе, анклавном. Чем больше групп со схожими интересами – тем крепче анклав (Мне кажется, что именно эти размышления дают представление о психобиологической природе государства).

Основы устойчивости группы – в двух принципах:

а) наличие как можно более простой и понятной (т. е. чувственно доступной) общей цели, выражаемой односложной идеей: «быть вместе» – для семьи; «быть сытым» – для работы; «радовать друг друга» – для друзей; «весело развлекаться» – для приятелей; «быть равным другим» – для клуба и хобби, и т. д., и т. п.;

б) усреднение разнофункциональных личных идей в рамках одной группы людей.

Но чем больше групп, тем более вероятно их взаимное проникновение, а скорость этого проникновения зависит лишь от возможных качества и скорости коммутации (в наше время – это скорость распростране-

ния электронных импульсов, уменьшенная на скорость субъективной обработки информации). За тысячу лет качество коммутации не изменилось (по-прежнему – слова), а скорость выросла в десятки тысяч раз. Это может быть причиной разрушения устойчивых групп: информации больше, чем способны усвоить люди, а масса не обработанных и полубработанных данных давит на привычные правила и идеи, меняет, уничтожает, и искажает групповые цели и представление о способах их реализации.

Что имеем? Человек уже не может прямо и непосредственно воздействовать на окружающее пространство, с немедленным и видимым результатом (если он не дровосек, и не пахарь), потому что заметные изменения высокосоциального мира – результат несогласованного воздействия множества людей.

В результате имеем индивидуализацию деятельности человека как биологического вида (уход в себя), отказ большинства от общественной деятельности, как способа человеческого общежития, разрушение (а, возможно, реконструкцию) института общественной безопасности, как результата реализации принципа житейского согласия.

Но! Разум человека неприхотлив и вынослив. При перегрузке он быстро перестраивается, и начинает упрощать идеи, компилируя новые со старыми, в отношении которых уже имеется чувственный опыт. Путь к сердцу человека лежит через позитивные ощущения. Позитивные ощущения проще всего создать, поощряя элементарные психофизиологические мотивы (поест, порадоваться, согреться), помогая избавиться от первичных страхов (смерти, болезни, голода). А безопасность, как изложено выше – один из основных психологических мотивов второго порядка, способствующий достижению личного комфорта.

Резюме: Сегодня я понимаю гражданскую безопасность, как общественную идею, имеющую цель сделать безопасным каждый шаг, в каждую минуту общественного существования человека.

Безопасность – как разумная предосторожность. Безопасность – как ответственность за чужую безопасность. Безопасность – как соотношение возможной жертвы с последст-

виями жертвования. Безопасность – как критерий свободы. Безопасность – как решение проблемы занятости. Безопасность – как элемент воспитания детей. Безопасность – как результат усилий власти и местного самоуправления. Безопасность – как право быть самим собой. Безопасность – как результат житейского согласия. Безопасность – как возможность быть богатым (не на безопасности, что не исключается, а безопасно).

Я не считаю, что безопасность и оружие – вопросы связанные. В более значительной мере связаны вопросы безопасности и выживания (от сугубо физиологического: полевого, городского, летнего, зимнего, т. е. БЖД, до экономического).

Безопасность как миссия – это всегда обучение, в том числе – самообразование.

Из вышесказанного я делаю следующую вывод:

«Гражданское оружие», как общественное движение, ставит перед собой цель, посредством разрешения общедоступного владения короткоствольным нарезным огнестрельным оружием, добиться более высокой степени общественной безопасности, так как, по их мнению, наличие в карманах граждан большого количества «стволов», должно привести к формированию у потенциального преступника страха перед возможным отпором потенциальной жертвы (добропорядочного гражданина).

Я преодолел эту точку зрения, и считаю её «детской»:

Самозащита (как умение защищать себя практически) и оружие между собой связаны лишь ощущением силы, которую даёт оружие. Мнимое и опасное чувство! Владение навыками самозащиты – сможешь применить оружие, и может быть, обойдешься без него. Нет навыков – наверняка потеряешь оружие, потому что нападающий может быть более умен и агрессивен.

На мой взгляд, если мы хотим добиться большей сопротивляемости общества преступным намерениям некоторых его членов, нам стоит озаботиться следующими целями:

1. Обучать людей приёмам самозащиты, в том числе, приёмам психологического противодействия агрессивному поведению;

2. Обучать добропорядочных граждан грамотному и безопасному

обращению с огнестрельным оружием, но не с целью самообороны, а с целью распознавать опасное, немелкое и неосторожное обращение с оружием со стороны преступника;

3. Обучать граждан эффективно обращению с оружием самозащиты;

4. Организовывать граждан для охраны общественного порядка на местах (вспомним народные дружины – не совсем плохая идея!);

5. Повсеместно восстанавливать реальное местное самоуправление, как способ человеческого общежития (на уровне микрорайона). В соответствии с Конституцией России – местное самоуправление, это основа конституционного строя! Что, забыли?! Данная задача в рамках общественной безопасности исполняется посредством совместных действий граждан по охране своих жилищ (элементарный домофон, который можно поставить в подъезде дома, но для этого нужно, чтобы его жильцы поняли, что этот прибор для личной безопасности необходим);

6. Вести работу с органами власти по приближению их деятельности к решению задачи обеспечения гражданской безопасности.

Свободный оборот короткоствольного нарезного оружия к этим целям не имеет почти никакого отношения. Другое дело, что стрелки – спортсмены или охотники – гораздо более готовы к восприятию идей общественной самообороны, в силу сложившейся у них привычки к владению оружием. К ним вопрос: А стоит ли разрешить всем свободно владеть пистолетом или револьвером?

Думаю, что более половины скажут: «Нет!»

«Гражданское оружие», без сомнения, политическая организация. Я не стал бы называть её идеологов политиканами. Может быть, они не обдумали до конца, какие именно мероприятия составляют основу гражданской безопасности в любом обществе, не преодолели «болезни роста». Считаю, что имеет смысл продолжить с ними беседу. Однако, если станет однозначно ясно, что политиканство на тему гражданского оружия – действительно их «колёк», о «Гражданском оружии», как общественном объединении, преследующем гражданские цели, стоит быстро забыть.